

индексе Кнапиевом речения, их же толку ни в вышереченном лексиконе, ни в нотатах моих обрести возмогах, тым толкование по моему прилагах разсуждению, аще не по славенску, то поне по-руску, якоже речений своих великая или малая Россия употребляет. Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охуждатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаще в плодотворении сем труждающася мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: „Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?“ Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полского языка состроенными, или славенскими и российскими самими едиными толковании сей есть изнаполнен?» (л. XV об.—XVI).³⁹

Подчеркивая как свою зависимость от Кнапского, так и свою самостоятельность в лексикографической обработке материала, Максимович не преминул заметить, что обратился к польскому словарю по необходимости: «Да не хвалится же тщеславием мира сего самохвалитися (да тако рещи) род иезуитов люботщательнейший, заеже от сонмища их Григория Кнапия индексу случися мне возследовати» (л. XVI об.). Далее в предисловии Максимович подробно разбирает принципы обозначения в словаре долготы и краткости гласных и орфографию Кнапского. Завершает же обширное предисловие самоуничижительное и вместе с тем оптимистическое обращение к читателю: «Егда сей труд мой святейший Синод за благо разсудит тиснению предати, аще что тебе, доброхотный читателю, в сем ономастиконе латинославенороссийском неключимое или несогласующее собству толковому либо странное коим-либо образом покажется, Бога ради, вземлющаго грехи мира, первому сему изданию прости благосозволи. Не по мнозе времени не точию исправнейших, прибыточнейших и яснейших изданий ожидающ, но и разных на различных языках фесавров всесовершенных в всепресветлейшем сем всероссийском империи видети надеющийся» (л. XXI—XXI об.).

В отношении судьбы своего труда Максимович обманулся: словарь, поднесенный составителем Екатерине I во время ее коронации в 1724 г., издан не был. Максимович, вероятно, надеялся на содействие Феофана Прокоповича, который в

Сборники и лексиконы С. IV Скорее всего, речь идет о словаре Епифания Славинецкого, к которому добавлена польская часть, т. е. словаре, представленном в рукописи БРАН, 16 15 12

³⁹ Мотив защиты своего труда от критики недоброхотов развивается как раз в эпоху Петра I. Это относится и к словарной работе, как видно из эпиграммы против критиков в словаре Ф. Поликарпова — См. *Николаев С. И.* «Зоил в российских градах» (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век СПб, 1991 Сб 17 С 17—27